

«Надо уметь потерпеть...»

Закончился первый, заочный, тур нашего конкурса актерской песни. Мы получили множество кассет и пленок от молодых актеров буквально всей страны. Сейчас их прослушивает жюри. А рубрика «В десятку» предоставляет слово его председателю — народному артисту РСФСР, артисту Театра имени Ленинского комсомола Николаю Петровичу Караченцову.

- Николай Петрович, мы объявили конкурс актерской песни. И многие, услышав о нем, с недоумением спрашивают: а что такое актерская песня!

— Конечно, это не просто, когда поют актеры театра или кино. Это скорее атмосфера песни, чем красота и сила голоса. В актерской песне для меня более всего ценна осмысленность, чего вообще, как мне кажется, сегодня не хватает песне. В актерской песне у нас есть замечательные точки отсчета — Утесов, Шульженко, Бернес. Позже — Миронов, Гурченко, Фрейндлих, Валентин Никулин, Боярский... Думаю, конкурс, который мы затеваем, очень нужен. Он поможет молодым актерам проявить себя. Это с одной стороны. А с другой — продолжит традиции, которые не должны умирать.

— А почему вы начали петь? Насколько я знаю, атмосфера вашей семьи скорее располагала к занятиям танцем...

— Да, моя мама — балетмейстер. Отец — художник. В розовом возрасте я себя иначе как в облегающем трико и с эффектно разведенными руками просто не представлял. Но мама категорически сказала — «нет». Но это не значит, что запел я оттого, что не стал танцевать. Во-первых, мне повезло с театром, который можно назвать театром поиска. И одним из направлений его (удачным и замечательным) стало создание музыкальных спектаклей. «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты», «Юнона» и «Авось», «Тиль» — спектакли, построенные по музыкальным законам. Во-вторых, мне нравится петь. А в-третьих, помог кинематограф, который дал возможность выйти с песней на более широкую аудиторию. Уже примерно лет шесть я пою активно. Настолько активно, что некоторые мои друзья шутят: «боюсь включить утюг — вдруг ты оттуда запоешь».

— Хочется поговорить вот о чем: не жалеете ли вы, что ваше становление как артиста проходило в расцвет так называемого застоя? Может, в иное время все сложилось бы иначе, лучше?

— То время я прочувствовал так же, как прочувствовал его, наверное, каждый человек нашей страны. Но что касается работы, тут благодаря театру я счастлив. Когда Михаила Жванецкого спросили: «Скажите, как вы перестроились?» — он ответил: «Мне не нужно перестраиваться, я и раньше не врал». Так вот, и мы раньше не врали.

Каждый спектакль мы сдавали с боем. Перед сдачей «Юноны» и «Авось», скажем, я помню, как Вознесенский с Захаровым всерьез обсуждали, как играть спектакль — с антрактом или без.

— А какая разница? — удивился я. — Если без антракта, — объяснили мне, — то до комиссии, возможно, не дойдет сразу социальный смысл, заложенный в первом акте.

Но с этим спектаклем как раз пронесло, и его сразу приняли. Хотя еще в репетиционный период закрывали, потому что Вознесенский попал в историю с альманахом «Метрополь». А вот пьесу «Три девушки в голубом» мы сдавали четыре года. Потому что автор — Петрушевская, потому что — это «чернуха». «Тиль» сдава-

ли шесть раз. А сколько спектаклей закрывали... «Диктатуру совести» совсем выбросили из съездской афиши. Сегодня же за режиссуру спектаклей «Юнона» и «Авось», «Диктатура совести» Марк Захаров удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

— В Ленкоме много молодых актеров. Вы, наверное, невольно сравниваете их со своим поколением, с теми, кому сегодня сорок...

— Естественно, сравниваю. И они в свое время будут мерить себя по другим. Сейчас, как мне кажется, для молодых важнее становится то, что творится вокруг театра, а не его суть. Для них важнее, что это модный театр — он действительно модный — и в него, а не в другой придут, например, Никита Михалков или Сергей Соловьев. Увидят их, снимут, и тогда-то — вот это будет жизнь! Я, наверное, по характеру такой — неисправимый оптимист. Но в свое время играл по тридцать пять спектаклей в месяц — главные, эпизодические роли, детские спектакли — и радовался тому, что могу много играть. Верил в себя, несмотря на крайне низкую зарплату, одни рваные джинсы и то, что меня не снимали в кино. Верил, что «прорвемся!».

Сегодня я вижу, как молодой актер — всего второй год в театре — приходит в режиссерское управление и говорит о том, что, мол, много играет, устаёт, что его надо вывести из этого спектакля (может быть, потому, что спектакль этот уже не поедет за границу?) и что в детских постановках он больше играть не будет. Иногда мне кажется, он думает так: «Захаров в зале — я постараюсь. Захарова нет — я вам сыграю одной левой». Я не говорю, что все молодые актеры так думают, но это есть.

Слова мои совсем не из той оперы, о которой вы, наверное, сейчас думаете: мол, раньше молодежь была лучше, а сметана слаще. Я хочу понять, откуда это? И знаете, очень далеко уходят мои рассуждения, упираюсь в школу. Я окончил Школу-студию МХАТ, где в традиции было то, что на каждом курсе работали два-три старика из того, старого МХАТа. Мне преподавали Виктор Яковлевич Станицын и Василий Осипович Топорков. Первое, чему они учили нас — не тому, как играть на сцене, а тому, что такое есть театр, что, если в комнату входит женщина, надо встать...

Издержки начались тогда, когда в педагоги пошли люди, в своей актерской профессии не очень удачливые. А педагогика стала не предметом самовыражения души человеческой, а предметом приработка. И вот я думаю: а может, не только в профессиональной школе дело — МХАТа или ГИТИСа. А может быть, все это из той школы, из того детского сада, где мы все произрастали? Где главным было, чтобы нас не поругали. Важным было — не получить знания, а получить пятерку. Даже если списал. Обмануть и перейти в другой класс, поступить в институт, чтобы попасть в аспирантуру, потому что там денег больше. И черт с ним, что я не согласен с руководителем, но я буду делать его дело. А эта беда многих поколений, в том числе и моего.

Много вопросов возникает и к себе. Например, как болеть делом? Профессией? Почему, скажем, Татьяна Ивановна Пельцер, занятая в конце второго акта, приезжает за полтора часа до начала спектакля и готовится к выходу на сцену? И как готовится!

— Я заметила еще одну тенденцию, увы, печальную для театра, — молодые актеры уходят в кооперативы...

— Им я не судья. Может быть, они уходят в кооперативы, потому что денег там платят больше? В этом свой резон. Но, с другой стороны, у меня есть знакомый тренер по теннису в ЦСКА. Это отличный педагог, и дети верят в него как в бога. Этот тренер завтра может запросто уйти в кооператив. И тогда его дневной заработок перекроет нынешний месячный. Но тренер остается с детьми.

В нашем деле, я хочу сказать, а может быть, и в любом другом, если ты ставишь перед собой высокие цели, надо уметь потерпеть. Наверное, таков мой ответ, только ответ ли это?

— Девальвация многих понятий — примета нашего времени, сегодняшнего дня. Честный труд, профессия, человеческие отношения...

— И звания. Они же девальвированы. Я знаю многих людей, которые, как мне кажется, получили их незаслуженно. А те, кто заслужил, не имеют их. Мне, я помню, в свое время было неудобно получать «заслуженного» только потому, что «заслуженным» был Сергей Юрский. Но и здесь не все так просто. Мы с детства привыкли к оценкам нашего труда. Я, например, рад, что мама моя дожила до

того момента, когда я стал «народным». Хотя для меня важнее, чтобы меня ценили как «артиста Караченцова», а не «народного артиста республики Караченцова».

Я понимаю, что не нужно никаких званий. Артист — или хороший, или плохой. Но... Работал у нас в театре очень хороший артист Николай Аркадьевич Скоробогатов. Он должен был получить звание, но вдруг выяснилось, что его документы потеряны. Он был застенчив и никогда ничего не просил, но тут пришел: «Поищите, пожалуйста». Как стало ясно потом, он был неизлечимо болен, и ему, понимаете, было важно умереть «народным». Не успел... Нельзя же одним махом все зачеркнуть. Нужно хотя бы уважать веру стариков наших...

— Мне кажется, эти слова ничего, кроме раздражения, у молодых не вызовут: опять о примерах дедов и отцов, за многие дела которых сейчас стыдно.

— Я знаю стариков разных: и очень умных и достойных уважения, и полных идиотов, слепых в своей вере, как котят. И между прочим, семнадцатилетние мальчишки сегодня режут на темных улицах этих самых стариков и вставляют, как они говорят, в горло перо, а потом с товарищами насилуют свою маму...

Я не первый это говорю и не хочу вещать истину в последней инстанции. Я сам ищу ответа на многие вопросы...

— Какой из них для вас сегодня наиболее важный?

— Я вижу, что сегодня многие мои коллеги, уважаемые мною режиссеры, драматурги, писатели начинают активно заниматься общественной жизнью. Кто-то из них поддерживал предыдущее руководство страны, а теперь клеймит его. Некоторые с ним воевали и теперь на этом получают дивиденды. Они очень умно рассуждают о внешней политике, о великом американском народе и дружбе с ним, о том, как надо поставить нашу экономику на попу, чтобы мы все жили по-человечески. И тут я спохватываюсь и думаю: «Господи, да ты же хороший артист (режиссер, драматург), но за последние пять лет ты не сыграл ни одной выдающейся роли, не написал серьезной пьесы, которая бы вошла в историю драматургии. Не поставил спектакля, который бы украсил историю нашего театра. По глазам вижу: им важнее заявить о себе в сегодняшней ситуации, набрать очки.

— Но ведь главный режиссер вашего театра Марк Анатольевич Захаров тоже активно занимается общественной деятельностью, даже избран народным депутатом Верховного Совета страны...

— Когда его выбрали, у меня было двойное к этому отношение. С одной стороны, гордился, что «наш» победил. А с другой — переживал, знал, что он же не сможет там не работать. А мы? А что с театром будет? Он же грандиозный режиссер. Но я знаю его, верю в его искренность.

В последнее время я отказываюсь от интервью, потому что чувствую, что стал повторяться и в чем-то повторять других. То, что смелым казалось вчера, сегодня таковым не является. Я уже пережил перестройку, и сейчас, считаю, надо заниматься делом.

— Что ж, вернемся к делу, к тому, с чего мы начали наш разговор, — к театру. Сейчас, как мне кажется, он теряет молодежную аудиторию, уступив ее поп-музыке, року. Есть ли шанс у театра вернуть себе молодого зрителя?

— Есть, потому что театр — это великое чудо. Сколько было пророков, которые вещали, что с появлением кино, тем более телевидения, театр кончится. Сейчас то же самое говорят об эре рока и видео. Но тут выясняется, что театр не пытается соперничать с ними по линии выразительных средств. В старину говорили: вышли двое, расстелили коврик — уже театр. Смотришь и понимаешь, что за ними правда. А в этот самый момент эти двое находятся в саду, а теперь полетели на самолете, а потом на лошадях поскакали. И мы обливаемся слезами, а у них не лошади, всего две палочки. Плюс контакт со зрителем, которого в кино, например, никогда не будет и который так необходим всем. Может быть, в этом дело?

Беседу вел
Марина Райкина.